

Miriam M. Gumbus

АРХАРЫ

(Впервые – «Охотничий вестник Северного Кавказа» Дону, 1926, № 4)

I

СТРАШНЫЙ СУД

Было это на Иртыше. Я вылез на палубу из вонючего пароходного подвала, где были сгружены переселенцы. От моих ста рублей не оставалось и половины, а я ничего не мог написать о переселенцах. Это были несчастные, жалкие люди, и я понял, что писать надо не о них, а о похождениях переселенческих чиновников, что для этого требуется длительное изучение на месте.

Интереснейшие степные картины мало-помалу обратили на себя мое внимание, я принялся, кроме того, просматривать единственную взятую с собой книгу – географию Семенова – и скоро вычитал там, что где-то около Каркаралинска в степных горах водятся архары. Непобедимое желание овладело мной: бросить переселенцев, плюнуть на аванс и заняться архарами.

Пароход между тем подплывал к пристани города Павлодара, и, когда остановился, на палубу вошел молодой еврей, щегольски одетый. Он сел возле меня и спросил, куда я еду.

– А вы куда? – оборвал я его встречным вопросом.

– Я, – ответил он, – еду в Семипалатинск жениться.

– То-то вы таким щеголем, а откуда едете?

– Из Каркаралинска.

Я оживился и спросил:

– Есть там архары?

– Подальше, в горах Кызылтау, много: стада.

– Вот бы убить... – сказал я.

Тогда молодой человек начал меня уговаривать ехать в Каркаралинск к его родному брату Лазарю Исаичу: он – фабрикант фруктовых вод и, главное, торгует мясом, у него масса знакомых в степях, он всегда может достать лошадей.

– А ружье? – сказал я. – У меня ружья нет!

– И ружье достанет Лазарь Исаич. А лошади... вон лошади, пристраивайтесь попутчиком.

Я взял записку от Аарона Исаича, очень задешево устроился в кибитке и поехал за шестьсот верст от Иртыша к какому-то фабриканту фруктовых вод Лазарю Исаичу за архарами.

За этот смелый поступок впоследствии я был награжден: мое степное произведение «Черный Араб» освободило меня от необходимости писать в газеты на злобу дня, но свою охоту на архаров я не описал в этой легенде о Черном Арабе. Между тем именно вот эта трудная цель – без средств, даже без ружья убить архара – позволила мне так хорошо ознакомиться с жизнью сибирских горных степей.

У Лазаря Исаича в Каркаралинске я попал в целый еврейский муравейник. Все собрались посмотреть на нищего путешественника, наготовили для меня, наставили на стол всяких закусок, и Роза Львовна беспрерывно мне говорила:

– Кусайте, позалуста!

Беда вышла из-за того, что, как после оказалось, в 1905 году Лазарь Исаич поднял красный флаг и проехал с ним на верблюде: все еврейское население с тех пор находилось под надзором у местного уездного начальника.

На другой день я был вызван к допросу. Начальник оскорбил меня, я оскорбил начальника, и, впредь до выяснения моей личности, я был связан подпиской о невыезде из Каркаралинска.

Я был действительным членом Географического общества, список членов имеется в каждом губернском городе. Лазарь Исаич нашел какую-то оказию в Семипалатинск, кто-то сходил к губернатору, какой-то лесничий привез от губернатора нагоняй уездному начальнику.

Я сидел у евреев на их празднике «Страшный суд», ритуал которого состоит в том, чтобы двадцать четыре часа не есть ничего, а потом уже сразу ужасно наесться. Я тосковал, проводя уже третью неделю без всякого дела на подножном корму у приютивших меня людей. С тоски я решил голодать на их «Страшном суде» двадцать четыре часа, сидел и пощипывал незаметно сунутое мне Розой Львовной в карман миндальное пирожное. Вдруг появляется

городовой и требует меня к уездному начальнику немедленно.

Помню, только старик остался на месте, все же другие, «забыв о «Страшном суде», стали со мной прощаться, уверенные, что меня или посадят, или отправят. Никто не знал, что это приехал лесничий с нагоняем от губернатора. Меня ввели в большую комнату с длинным столом, нагруженным всякими яствами и винами. Уездный начальник встретил меня с распростертыми объятиями: у него сын студент, дочь хорошенькая курсистка, лесничий восхищался моими литературными произведениями, все были совсем либеральны. Я не стал церемониться и, поголодав уже довольно на «Страшном суде», принялся есть и пить.

Несмотря на все намеки уездного начальника и предложения поселиться чуть ли не у него в доме, я не изменил Лазарю Исаичу, продолжал жить у него и по всему городу разгуливал под руку с Розой Львовной, предпочитая ее всем дамам, с которыми познакомился в доме уездного начальника; мое поведение окончательно расположило Лазаря Исаича в мою пользу, так что он и сам решил ехать со мной в экспедицию за архарами. Мы достали несколько казачьих винтовок, два дробовика; к экспедиции присоединился знаменитый охотник Хали-Мергенъ, выставщик зверей известной в Сибири Верещагиной, снабжавшей Гамбургский зоологический сад. Еще вошел в экспедицию секретарь уездного съезда, очень влиятельный в степи человек, Дмитрий Иванович, и Токмет, бедный казах, на своем верблюде повез за нами юрту и съестные припасы. «Длинное ухо», казахская почта, передавая всякий слух от всадника к всаднику, от аула к аулу, лучше всякого радио распространило весть о выезде в степь важных лиц: секретаря уездного съезда, петербургского писателя и фабриканта фруктовых вод. К нам стали присоединяться любители охоты из богатых казахов, нам надавали много запасных лошадей, появились казахские гонцы – борзые собаки, беркуты и другие ловчие птицы. Редко приходилось есть баранину, для дорогих гостей всюду резали молодых жеребят, и, наверно, вышло бы порядочное озерко, если бы можно было собрать в одно место весь выпитый нами кумыс.

ТОКМЕТ И ТЕТЕРЕВА

Мое одинокое путешествие превратилось в охотничью экспедицию, материалы рекой потекли в мои записные книжки. Я до сих пор не могу их использовать. Только два-три момента, предшествовавшие охоте на архаров, я могу передать здесь, опасаясь растянуть свой рассказ.

Однажды, рано утром, когда все наши, опившись ночью кумысом, спали в ауле, мы пили чай с Токметом на воздухе. Какие-то темные птицы, совершенно как у нас грачи, большой стаей разгуливали по дороге. Присмотревшись к ним, я, к величайшему своему удивлению, узнал тетеревов. «Раз они так изменили свои привычки в степной природе, – подумал я, – то, может быть, они и допустят нас пеших на выстрел?» Подумав так, я взял плохонький дробовичок и стал подходить к ним дорогой, громко разговаривая с Токметом. Когда птицы стали вытягивать шеи, на довольно большом расстоянии я выстрелил. Все поднялись, но один петух, подстреленный в крыло, с большой быстротой пустился наутек. В тот самый момент и Токмет пустился за ним, догнал и ножом перерезал ему горло. А когда я подошел, то, как это часто бывает, один затаившийся петух вдруг вырвался около нас, и я успел его убить на лету. Он был убит наповал. Токмет не побежал за ним, ему эта птица не нужна: по их мусульманским законам, нельзя есть животное, у которого не спущена кровь. Резаную птицу я отдал Токмету, убитую взял себе. Обрадованный Токмет ответил мне пословицей:

– Воздух и вода принадлежат всем, дело рук охотника пополам.

Вся огромная стая тетеревов должна бы, по их степным законам, улететь в горы и рассесться на остриях камней, как у нас на березках, но им на пути было соленое озеро с большими зарослями, они решили рассыпаться здесь, переждать и потом опять выбежать на дорогу. Мы отправились туда. Плохонькое ружьишко очень живило. Токмет после выстрела бросался, резал горло. Большая часть птиц досталась ему, и когда мы потом сели на камень отдохнуть, он сказал:

– Хорошее ружье, очень хорошее?

– Плохо стреляет, – ответил я. Он покачал головой и сказал:

– Худай береды.

Я перевожу это: «Ружье плохо стреляет, а бог посылает».

Я мотнул головой в знак согласия, а Токмет, обрадованный, изрек:

– Кто много ездил, тот знает, что далеко и что близко: кто много пережил, тот знает, что сладко и что горько

Я уже знал, что пережил Токмет: он был джетак, значит, самый бедный казах, у которого джут (гололедица) от всего стада оставил только одного верблюда. Такой самый несчастный человек в степи не может больше кочевать и должен заниматься земледелием. Зная все это, я сочинил пословицу в степном духе и сказал:

– Кто много и радостно кочевал, тот знает жизнь в ширину, кто пострадал и стал земледельцем, тот узнал жизнь в глубину.

Джетак, изумленный, спросил:

– Откуда ты узнал такую хорошую пословицу?

Я ответил:

– Кто много ездил, тот знает, что далеко и что близко, кто много пережил, тот знает, что горько и что сладко.

– Миргень, – ответил Токмет.

Это значит: отличный стрелок.

III

ВЕТР ИВАНЫЧ И ДРОФЫ

Секретарь уездного съезда Дмитрий Иванович, добродушный, страшной толщины человек, пользуется в степи большой популярностью, казахи зовут его Ветр Иваныч. Он ни одного аула не пропустит, чтобы не попробовать крепость кумыса, и всегда к этому добавляет из своего запаса казенного вина. У него своя лошадь, своя тележка. Выпив, он мечтает бросить службу, сесть в тележку и ехать от аула к аулу: везде будут гостя кормить, и так можно всю жизнь ехать и охотиться.

– Хорошо бы дрофу убить, – сказал я, – совсем не знаком с этой охотой

– Самое пустое дело, – ответил Ветр Иваныч, – вот как только выедем в степь, так и убьем.

И, правда, дрофы скоро показались. Я пересаживаюсь в тележку Ветр Иваныча и правлю, он с ружьем в руке

сидит, выжидая момент, когда ему удобней всего соскочить с тележки. Расчет известный: мы едем спиральными кругами, приближаясь к птицам: когда будем на выстрел, Ветр Иваныч соскочит с тележки, будет выцеливать из своего винчестера, а дрофы будут смотреть не на него, а на продолжающую свой путь тележку. Однако Ветр Иваныч, тучный, на коротеньких ножках, не мог просто соскочить в степь, ему нужен был камень. Я наметил крупный булыжник, постепенно подъехал, спустил Ветр Иваныча, двинулся вперед, глянул на дроф и ужаснулся: Ветр Иваныч на камне оказался куда значительней тележки, дрофы смотрели не на тележку, а на Ветр Иваныча...

Они быстро побежали и поднялись, вслед им полетели безвредные пули. Я вернулся. Ветр Иваныч налил себе шкалик из фляги, выпил и сказал:

– «Матрешкина мать собиралась умирать, умереть не умерла, только время провела».

IV

АРХАРЫ

Синие горы похожи на палатки великанов, кочующих в этих степях. Наши горы, где мы будем стрелять горных баранов, называются Кызылтау, значит, красные горы.

Издали они нам казались тоже синими, а когда подъехали, стали черными, окаймленными желтеющими кустарниками. В долине Бий-Джина нас прельщает веселый ручеек, и, несмотря на протесты Токмета, мы решаем тут поставить наш дом. Наш караван останавливается.

– Чок, чок! – кричит Токмет верблюду.

Он подгибает колени, ложится. Отвязываем большой круг – основание юрты. Палки вставляются, обтягиваются кошмой, сверху тоже накидывается кошма, наверху само собой получается отверстие для дыма.

Я просыпаюсь ночью от ужасающей боли и вижу такую картину: все наши, совершенно голые, сидят у огня и ругаются, работают по своему телу ножами. Мое тело тоже покрыто черными точками, совершенно похожими на шляпки забитых в тело гвоздей. Токмет оказался прав, что настаивал не ночевать у ручья: возле воды при перекочевках

останавливаются пастухи с баранами, и тут всегда остается много бараньих клещей. Очистив тело от клещей, мы делаем факелы из бараньего жира и при свете их переносим наш дом. Зуд от клещей долго не дает уснуть, и, кажется, вот только что уснулось, раздается голос Хали, повторяющий одну и ту же фразу:

– Айда, Ветр Иванович, вставай архар стрелять!

Хали такой ловкий, проворный, заботливый, я верю его рассказу, что он раз для Верещагиной руками за уши поймал дикую свинью и ехал на ней, пока не скрутил. Верней всего, он не соснул ни минутки. И трудно ему с толстяком. Мы уже одетые пьем чай, а Хали все повторяет:

– Айда, Ветр Иванович, вставай архар стрелять!

Хали беспокоится, потому что архары очень рано, еще до свету, спускаются со своей горной лежки кормиться в долину и, чуть солнце разогреет, поднимаются. Времени для охоты не так уже много... по росе мы будем искать следы, с гор высматривать пасущихся.

Тяжело подымается Ветр Иванович, причесывается и говорит:

– Пока не причешешься, все что-то в голове копается.

Пьет чай, обжигаясь, ворчит:

– Черт его знает, отчего это. Как это только из дома выедешь, на пальцах начинаются заусенцы.

Ветр Иванович считает себя опытным охотником и не раз заявлял нам, что на архаров он будет охотиться самостоятельно. Подвесив себе огромную флягу, конечно, уж не с водой, он подводит своего коня к камню и с него грузно взваливается на седло. Он долго едет за нами таким важным полковником в рыжей шапке под цвет рыжего архара и осенних рыжих кустов, в рыжем бешмете. Он эту охоту на архара долго, годами лелеял и все предусмотрел. Одно только он упустил, что животик его от кумыса с годами рос, рос и до того теперь дошло, что если поднимется, как приходится, вверх почти по отвесным скалам, то лука непременно просверлит ему брюхо. Зоркие казахи и насмешливые: Хали относительно луки и живота все предусмотрел, все перешептал мне и задумал во что бы то ни стало отделаться от такого охотника. И, конечно, он нарочно выбирает путь через кручу. Чтобы не упасть вниз, я хватаюсь за гриву лошади и, когда становится уже не страшно смотреть вниз, вижу, как там куда-то в сторону

шагом пробирается Ветр Иваныч. Улыбаясь, Хали говорит:
– Ветр Иваныч архар испугал!

Это значит, что нельзя охотиться с ним, он испугает архара.

Мы поднимаемся выше и выше, жутко подумать, что потом придется спускаться по такой крутизне. Когда становится невозможным подыматься на лошадях, мы их просто бросаем, они никуда не уйдут и будут только переходить от ямки к ямке, налитой растаявшим снегом. Мы ложимся на высоте и стараемся разобраться в грандиозной картине долин и сопок. Очень трудно отсюда различить архара от рыжего кустика. Сам Хали спрашивает меня, указывая в одно подозрительное место, архар это или камень. Биноколь необходим, а нет. Кажется, архар стоит, наклонил голову, щиплет травку...

Мы решаем спуститься к нему, но перед этим надо хорошо изучить местность, иначе заблудишься и ничего не найдешь. Хали изучает памятью, я набрасываю план на бумаге. За это время раз совсем близко от нас перемахнул беркут, и вскоре лисичка высунула мордочку и долго глядела ему вслед.

Такая прозрачная осенняя тишина в этих предгорьях Алтая и Тарбагатая, тут, может быть, не ступала нога человека, вон там белеется череп какого-то умершего своею смертью животного... А там вон внизу в ясной долине из-за черного камня показывается живое существо, за ним другое, третье... Мы насчитали их девять и стали спускаться.

– Кульджа есть! – шепчет мне Хали.

Кульджа – название самца. Есть кокпеккульджа, большой трехлетний самец, и еще бывает лучший, самый большой актамак (белогорлый).

Почему же тот, первый, которого мы заметили, не спускается в долину? Хали думает, что это сторож и к этим он не спустится.

Нам надо очень спешить, а то к тому часу, когда в городах пьют чай, архары возвращаются в горы, чутко спят; к ним тогда не подкрадешься, и если разоспятся, сторож их разбудит своими рогами.

Через какую-нибудь сотню шагов вниз моя карта ничего не говорит мне, я не узнаю долин и сопок, и если бы остаться одному, я, может быть, не нашел бы не только

архаров, но и своих лошадей. Я спускаюсь по крутизнам, подражая кошачьим движениям Хали, иногда обсыпаю камешки, и тогда Хали останавливается, оглядывается и приставляет палец ко рту.

Меня очень удивляет, как Хали мог пройти эту трещину в скалах и ничего не заметить. Но я и сам прошел ее и только после сообразил, что фотография, мгновенно сделанная лучом солнца в моем глазу, означала стадо архаров. А Хали подходил уже к самому краю скалы и непременно должен им показаться и сразу спугнуть. Шепнуть нельзя – далеко, крикнуть – опасно. Я схватываю камешек и, наметившись, пускаю им в спину Хали, потом зову к себе руками. Пропускаю его мимо себя и люблюсь, как он ползет к трещине. Мне так не суметь, я боюсь шевельнуться, а он, рассмотрев, зовет меня рукой, и я ползу. Теперь он смотрит я едва ли люблюется.

Стадо от нас всего на полтора шагов. Кульджа – огромный, со спирально закрученными рогами – еще ближе. Я пристрелялся к казацкой винтовке и знаю, что на таком расстоянии нужно целить под нижнюю шерстку.

Но я не могу стрелять, мушка танцует. Пусть стреляет Хали, а я бы любовался этой желтой долиной в черных горах, я бы очень хотел передать ему ужасно волнующее действие. А он смотрит на меня и дожидается: он ни за что не станет стрелять, хочет, чтобы я: он много убил архаров. Нечего делать, укладываю винтовку на камень, устанавливаю мушку под шерстку, спускаю курок...

Все брызнуло, и через мгновение они гирляндой стоят на скале от нас на триста шагов. Хали стреляет туда, а мой стреляный кульджа почему-то бежит не к стаду, а к нам. Я стреляю в него на бегу быстро на вскидку, как из дробовика, и с отчаянием вижу, как пули возле него столбиками поднимают пыль. Он рухнул почти у самого нашего камня. А те после выстрела Хали опять брызнули вверх и опять на большой высоте остановились гирляндой. Одна осталась внизу неподвижной. Не переставив прицел, я стреляю вверх, и все, как сон, исчезают.